

СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКАЯ ТКАНЬ ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

В статье описываются структуры социально-этнической повседневности, которые рождены непосредственными переживаниями народом собственных бытийных моментов, носящих характер исторической действительности. Она становится со-бытийной матрицей, которая укоренена в сознании народа: восприятиях, образах, фантазиях и прочих модусных его формах и действиях.

Историко-культурологическое выражение повседневного пребывания человека в мире может быть представлено различными формами, видами, связями, отношениями, которые презентуют повседневность как сложную, многоплановую, разноуровневую, многоликую действительность. Социально-этнический способ демонстрации повседневного суть живая иллюстрация, образный рассказ о бытии, который использует подручные средства, такие, как краски, звук, жест, танец, маска, картина и прочие формы, расцветивающие ткань непосредственно творящегося опыта человека. Целью данной работы является прояснение, описание пространства социально-этнического, которое являет собой один из животрепещущих «фрагментов» базового феномена, называемого «повседневность».

Чтобы последовательно развернуть и прояснить цельность социально-этнического, необходимо определить понятия «этничность» и «социальность». Важно отметить, что они также принимаются в качестве феноменов сознания как специфически «окрашенные» его акты, которые определяют поведение-бытие человека в качестве общественно со-организованного (вместе, коллективно) и *культуро-неповторимосвоеобразно* выраженного (этномир). Действуя социальным и этническим способами, сознание «говорит о себе» как о разнообразно устроенном, живом организме. Социально-этническая характеристика повседневного включает в себе вопрос о со-отношении социального и этнического в бытийной данности. Феноменолого-экзистенциальный подход высвечивает характер их взаимодополняющей совместности, когда образован немеханический синтез, или со-присутствие социального в этническом и наоборот. Другими словами, когда мы говорим об этнических особенностях, то всегда имеем в виду **способ** их пребывания в социальных структурах бытия, а социальное видим как имманентное этническому. Их единосвязь неразрывна: без этнического, народно выраженного нет социального, без общественного нет этнических

форм. Подчеркну: социальные моменты повседневного бытия человека указывают на его общественный «нрав», а этнические – вскрывают самобытное, оригинальное, народно-национальное выражение повседневного, которое уходит корнями в глубину этноса, чтобы про-из-рос, свободно раскинул крону неповторимый «вид» какой-либо этнической культуры человека. Генеральная форма – повседневность – всегда *со-держит* то, что внутри ее, устанавливая собственное, повседневное содержание. И наоборот, содержание пред-определяет собственную форму. Учитывая «игру» формы-содержания, следует разобраться, какая область перед нами конституируется: та, которую можно обозначить как «социально-этническая повседневность» или как «повседневное социально-этнического»? В первом случае речь идет о повседневности как социо-этническом **способе упорядочивания** (Социо-Этно-Логос – по аналогии с идеей Г. Гачева, у которого «этнос» понимается как «Космо-Психо-Логос»), или способе выстраивания взаимо-представлений феноменов сознания, выраженных различными суевериями, взглядами, знаниями, теориями, концепциями, идеями и т.п. о мире и человеке. Так, космогонические представления русичей о происхождении Вселенной заключены в сюжете о мировом яйце, из которого были образованы небо и земля. *Такой* взгляд или картина мира уникально-единична по своей природе, поэтому отлична от космогонических представлений, например, китайцев, индийцев или немцев. При этом различно установленная точка зрения человека на один и тот же смысл не отвечает на вопрос о правильности или истине, а указывает лишь на то, что социо-этнос всегда пребывает о-**пределенным**, своим, частным внутренним **порядком** «из-вновь-являющегося», что находит выражение в повседневности.

Имеющаяся связь представлений, «знаний о...» любого народа, выраженных в различных социальных формах (религиозных, научных, политических, экономических, художественно-

эстетических и т.п.), может разорваться, что означает ее временность и непостоянство. Так, межэтнические контакты различных форм и видов, самостоятельно выстраданные новые знания о мире, обществе, человеке приводят к деструктивным действиям относительно повседневной «картины», на которой мир и социальный человек выражены в некоторых, казалось бы, завершенных образах, символах, знаках. Речь идет об изменении способов, устанавливающих порядок повседневного содержания, когда этническое сознание может постоянно, снова и снова «раскладывать по полкам» то, что оно «знает»-или-«понимает» о чем-либо. Исходя из вышесказанного, социально-этническая повседневность представляет собой совокупность **всех** способов упорядочивания повседневного содержания. Они участвуют в непрерываемом структурировании и переструктурировании, изменении созданных «картин мира», что сопряжено с безостановочным движением духовных сил самого творца – этноса, создавая эффект «дышащего» организма. Он имеет внутренний ритм, *так-т*, то есть пульсирующую «тягу к...», которая конституирует способ его самовыражения и удерживает его как **особое** в тотально представленном многообразии. В данном случае речь идет о такой стороне рождения взглядов на мир или что-либо иное, которая содержит механизмы «ломки» и установления порядка «всегда по-новому» в имеющейся содержательной компоненте сознания этноса. Так, установление целостности политических, экономических, мифологических и прочих представлений, идей, концепций, взглядов этноса содержит в себе силу их деструкции и способность «наведения порядка из-нови». Поэтому в различные исторические моменты повседневного бытия этноса по-разному «прочитываются» имевшие место события (Великая Октябрьская революция или октябрьский переворот, эпоха перестройки или социальная катастрофа великой страны), актуализируется различное отношение к историческим личностям (Петр Первый, Емельян Пугачев, Ленин, Сталин, Павлик Морозов, М.С. Горбачев и т.д.).

Повседневность этноса выворачивает-ся (себя) изнаночным, обратносторонним содержанием – континуумом переосмысленного, противоречивого относительно прежнего. Эти артефакты, насмешки над «бывшим» являют себя актами, могущими состояться **только** в пространстве-времени того или иного этнического

сознания, то есть истории конкретного народа. Содержание повседневного социально-этнического организма без совокупности способов, упорядочивающих это содержание, представляет собой хаос, бессмыслицу. Его устраняет этнологос как повседневность. Взаимообмен способов «наведения порядка» «внутри» (в самом способе) и «вовне» (содержании) образует целостность этнического. Воззрения, мнения, идеи, теории, мифы, предрассудки посредством многозначных связующих их между собой **всех** «механизмов», этно-технологий, выписывают картину местопребывания этнической индивидуальности. Этно-социальное бытие содержит самобытное содержание, именуемое традиционной культурой. Она *растворяет* в себе образы, «картины», рожденные в сознании этноса таковыми, что, к примеру, взгляды, представления русского человека невозможно повторить сознанием француза и наоборот. Можно сказать, что интенционально-экзистенциальные акты этнического сознания срабатывают «этново», так, что «чистота» повседневного вообще становится окрашенной народно-особенно.

В выше очерченно-означенном «картографическом» плане социально-этнического следует раскрыть фундаментальные характеристики повседневного. Там отмечено место **непосредственному**. Материя непосредственного в социо-этно-повседневном организме соткана из **испытаний** ношения народом своей судьбы, которая разлита в формы поступков, подвигов обычных людей, тех, кто бытует в кажущейся простоте осуществления собственными силами надвинувшихся повседневных дел. Они могут быть упорядочены по различным уровневым характеристикам (высокие-низкие, эпохальные-обыденные), мерам и точкам отсчета (значительные-незначительные), но в любом случае дело осуществлялось непосредственными мыслительными актами людей, теми способами, которые незаметно выплетали целостный узор **деяний** в качестве неоспоримого социо-этнического жизнебытия. В таком контексте становится уравненным, едино-актуальным дело президента страны и иного «гражданского лица», «владельца частного предприятия» и «наемного работника», верующего в Бога и атеиста, художника и «потребителя художественных ценностей» – все имеющиеся социо-этно-повседневные формы деятельности человека удерживают историко-судьбоносную среду его бытия.

Испытания (война, революция, эпидемия, голод, разруха) разрывают связанно-сложившийся, у-порядоченный социо-этно-мир, им нет места в логике бытия. Они как внезапность невесты откуда набежавших туч среди ясного неба и хлынувшего вдруг дождя. Где укрыться? Как тут найти защиту? «Смирение великодушное» и вера православная – вот защитный механизм, выработанный повседневной долго-трудной историей пребывания в собственной судьбине русским народом, самоношение которой однажды определено. Тогда случается чудо. Так, А. Терещенко, описывая жестокую, жизне-нещадящую борьбу русичей против монгольских иноземцев, заключает рассказ фразой: «бедствие **возвеличило** (выделено мной. – О.М.) русских» [1;31]. Следует добавить: ...так, что **стали** возможным расправа с игом, приращение земель русских Сибирью, укрепление и расцвет государства («Москва – третий Рим»). Чудо есть возможность собрать-изыскать силы для себя-бытия вопреки угрожающим обстоятельствам, что осуществляется волей живого «течения» мысли, переживающе-чувствующей эту мысль.

Непосредственно **переживаемые** испытания, павшие на **долю** социо-этноса, не только его **пытка**, истязание и муки судьбинные, а также – **пытливость**, живость, ясность ума, выраженные экзистенцией у-стремления познать то, что округ себя. С момента своего за-и-рождения этнос «увидел» Природу, в которой он физически занял «место под солнцем». Поэтому естественным мыслится то, что видимо-невидимые силы природные составили сюжеты первых языческо-мифологических «картин» мира, над которыми повседневно трудились люди.

Это сложный, изначально интуитивный, глубоко переживаемый «труд» мыслящих существ, занятых вопросом «Г д е мы?». Раздумья над этим вопросом привели к тому, что этническое сознание само собою вывязало понимание **способного** мира, то есть единство сплетения образов действия природной стихии, в которой социо-этнос пребывает также **своим** механизмом. У всех народов мира **архаичное**, «детское» сознание конституирует природных духов. Например, у русского народа они представлены как водяной, полевой, колодезный, леший, домовый и т.д. – все это отмеченные способности естественных или преобразованных человеком сил природы, которые описываются не как таковые, замкнутые, пребывающие в себе, а в качестве **воздействующего** (сила, энергия) на

человека. Русский, как и грек, мыслит вокруг себя все живым, «полным духов» и видимо-невидимой энергетикой, **соприкасающейся** так или иначе с динамичностью этноса, и этот контакт носит характер непосредственно-ощущаемо-чувственного. Вот почему русское сознание **очевидит** «живую воду», «живую смерть», общается-сливается с животными (Серым Волком, Коньком-Горбунком, Щукой), оживотворяет предметы: речку, снег (Снегурочка) и т.п., что запечатлелось-отразилось в народных быличках и сказках. Рожденный этносом мистико-загадочный, чудосодержащий окружающий его мир «на птичьих лапках» (К. Ясперс) у-становливается в повседневном: боги-божества открыли собственный лик, распоряжаясь судьбой-опытом социо-этноса. Так, русские люди повседневно совершали молящие обряды, предназначенные той или иной божественной силе (Перун, Велес, Мокошь и др. – в Древней Руси, позже – единый христианско-православный Бог), которая помогает пере-жить-пере-нести различные событийные моменты их бытия (неурожай, рождение, смерть, болезнь, женитьба и т.п.). Фантазийно-реальное кружево, выплетаемое народом, становится, возможно, его способностью к творчеству.

Оно оформляется в различных повседневных культурных формах благодаря его укорененности в особом субстрате, который суть самостоятельный способ. Он действует интенциональной силой, рождающей **новые** смыслы и новые облачения-одежды уже приоткрытых смыслов, которые все вместе ярко демонстрируют оригинальную неповторимость осуществившейся новизны. «Творчество» как **возможность** к со-творению или со-творяемому того, что **еще никогда** не являлось, исходит из того, что его со-положило, – имманентно-спонтанной энергии бытия этнической целостности, создающей свой колорит мировосприятия, представленный в культуре. Она – **гемма** жизнебытия, и печать, и амулет, и собственность, и красота. В этот редкий твердо-каменный образ впечатана **мысль о Земле**, которая витийствует о раз-личной (едино-множественной) ее ипостасности.

Необходимо описать некоторые традиционно оформившиеся представления народа о материнском месте, которое колыбелит-выхаживает его и имеет повседневное имя «земля», или географический термин «**территория**», или политическое понятие «**государство**». Речь идет о «клетке» планетарной шахматной доски, в

отдельном месте которой стоит-покоится какой-либо народ, делая шаг от себя «вовне» – в транснационально-событийную историю.

Место-земля-территория-государство – **Родина** – это экзистенциально емкое смысловое целое, супер-структура, вращенная в творческую суть человека. Она (суть) **прежде всего** видит, что земля по-дана участками-пунктами: лесами, реками, дорогами, тропами, направлениями, берегами, склонами, оврагами, песками, болотами – всем, что мыслится как **родная природа**, «декорация» места, которое тело-родило, народ, **выкормило** – **вз-растило** его, и что всегда является «предметом алчного вождения» (К. Леви-Стросс) как во внутренней, социальной жизни народа, так и вовне его находящегося мета-бытийного человеческого мира. Природа ландшафтна, то есть видимо-осязаемый рисунок ее **поверхности**, климат, растительно-животная аура так объемлют, оплотняют собой **местного** человека, что он в творческой эк-статичности приобретает ее свойства, выраженные габитуально, психо-логично, культуро-со-размерно.

Определенное место земли представляет собой совокупность естественно-природных способов-условий, которые «на-вязываются» человеку его собственным выбором. По-другому, в ходе исторического движения народная целостность закрепляется на той или иной территории, относительно которой долготерпением, трудом, усердием выработало негласное согласие принять имеющиеся условия земли-места в качестве натуральной среды своего существования.

Такой свободный выбор указывает на то, что народ нашел способы **творческо-гармоничного** совмещения собственно человеческого ландшафта¹ с географическим ландшафтом земли. Этот момент рождает топонимическую событийность бытия народа **в контексте** определенного планетарного участка, что выражается появлением и широким использованием слов-имен-названий «точек», которые содержит место проживания (лес, Черное море, Уральские горы, пустыня, Байкал и т.д.). По-другому, безымянная земля-территория при расселившемся на ней человеке утрачивает нейтралитет и устанавливается в новом качестве как природо-о-значенная или смысловая реальность. Тогда, например, гора, у подножья которой осуществляется повседневно организован-

ная жизнь народа, может стать священным местом, где осуществляется жертвоприношение божествам, и имя которой в результате такой ее «роли» произносить запрещается, чтобы не гневить словом человеческим небожителей (такой обычай существует у монголов). Факты освоения народом «прежде чистого» географического пространства, когда последнее обретает экзистенциальные свойства, говорит о том, что сознание человека установило правила-отношения с тем, что не-оно, но где оно должно быть, чтобы самоосуществляться. Действительно, природоорганизующие моменты мира направлены в сторону человека и физиологическими способами, в «теле» которых «поселяется» мысль. Это не означает, что сознание физиологично, напротив, но чтобы оно явило себя в собственной широте, необходим гармоничный союз телесного и духовного.

Тело держит Земля. Человеческое тело держит осмысленная Земля, такая, которая приобрела душу, следовательно, пре-**образ**-овалась в животворящую и животворимую реальность. Так, Владимир Мономах в «Поучениях», передавая собственный опыт молодому поколению, учит в болезнях обращаться с поклоном о выздоровлении к Земле, которая в этом случае может даровать здоровье. Ландшафтность (**свойство**) земли имеет геометрический характер-волю. Последнее проявляется в **дискретности**, **границах-пределах**, **о-кругах-участках**, **верхо-низовье** – всем том, что **плоскостно** и на **виду**. Это свойство Земли выражено картографически, где указано место-на-хождение, ориентиры, направления **расселившегося-осевшего** в предельных просторах земли **ее** народа: «Славяне сели по Дунаю...», «Садись в своем Киеве: ты старший брат...», – читаем мы в древнерусских летописях [2; 361, 385].

Чтобы союз Земля-человек-народ состоялся, должно произойти немеханическое объединение их морфологических структур, которые по сути – одна. Эта суть выражена словом «Родина», которое представляет собой сплав место-природных способов земли и человеческого сознания. Родина – это специфическое единство **месторождения** народа и его ментальных структур, конституирующие со-**гласно** этому особому месту оригинальные и неповторимые факты, случайности, события повседневности, называемые судьбой народа.

¹ Имеется в виду его телесно-духовная структура, которая образует разнородно-рельефную «поверхность» способов самоосуществления человека.

Повторю, творческое *освоение* земельного пространства суть транс-*формация* «пустого» безымянного «участка» (как он есть сам по себе), где удобно разместилось тело народа, в «Здесь-и-Сейчас»-ный континуум повседневного его бытия. Последнее начинает собственную проточность посредством непосредственно-сакральной человеческой связи с «вне» его на-*ходящемся* «через» *дело*-производство, труд. Действительно, чтобы вы-жить в определенных природно-климатических условиях, необходимо прикладывать максимальные усилия в *работе*, которая обеспечивает «простое» существование («удовлетворение в пище, одежде, жилье» – К. Маркс). Но само это «удовлетворение» не инстинктивно-автоматическое, а *традиционно-нормированно-ритуально* на всех его «этапах».

Появляется нечто *новое, ино*-природное, преломленная связь непосредственно поданной

земли и ее владений с народо-человеком, и это преломление, складка – со-творенная им «сказочная» действительность, сложная игра, ориентированная на пользу, Добро, Благо, где видимо-осязаемый мир сливается с противоположными мирами. **Только в этом случае** рождается возможность ясного представления, особого видения тех троп, дорог, направлений мироздания, выбор которых уже свободно осуществляет народ на своем историческом пути. Особая эк-статичность человека в синтетике всех возможных для него миров завершается неповторимой конфигурацией *формы*, которая фундаментализируется как пережитый опыт и культурное наследие народа. Последнее представляет собой выкованный о-берег² народа, так как содержит силу того, что направлено на его *сохранение*, дление в мире, самостояние и, в конечном счете, – Жизнь.

² И предел-место его, и способы выживания в бытии.

Список использованной литературы:

1. Терещенко А. Быт русского народа. – М.: Русская книга, 1997.
2. Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести. – М.: Детская литература, 1989.